

Сергей Ходосевич
Житие святых

Сергей Ходосевич

Житие святых

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Житие святых / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965112-9

Тиха Полотва... Лениво плещет волна. И взошедшее светило отразилось в воде множеством ярко-рыжих озорных огоньков, что словно живые начали дрожать в прозрачной воде, и в один миг придали чарующий вид восходу Солнца. До светлого града Рогволода отсюда рукой подать. Всего каких то полуверсты — и на суше, и на реке начинались посты его могучих дружинников. А здесь, сразу за пологим склоном, начинался редкий лес...

ISBN 978-5-44-965112-9

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Серафим Саровский	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Житие святых

Сергей Ходосевич

© Сергей Ходосевич, 2019

ISBN 978-5-4496-5112-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серафим Саровский

Черные, страшные тучи сильный ветер сгонял в кучу над славной речкой Кур, что хоть и была невелика в этом месте, но желала выплеснуть всю свою силу. Одна высокая волна ударила о берег..Брызги волны словно желали откусить обрывистый берег. Другая волна! И вот уже она потащила назад маленькое тельце в цветастом сарафанчике, что само без чьего либо принуждения бросилась в бушующую реку.

В небе, что по цвету было схоже с дегтем сверкнула молния. Сначала где то вдалеке, а потом раскаты грома все приближались и приближались. И вот уже так шендарахнуло над запряжённой телегой, что у мужика и мальчонки, сидящих в ней уши заложило! Кони рванули и понеслись с испугу по узкому тракту, издавая недовольное фырцание и ржание.

С воинствующих небес хлынул поток воды, из – за чего не стало видно дороги.

Мужик, управлявший вожжами, перекрестился и повернулся к малолетнему парнишке, подсовывая ему рогожу: Укройся грю, вымокнешь ведь яки грива у коников. Ну, не переживай! Чем мы могли помочь рабе божьей, шо яка гиена бежала с этого света, навстречу своей смерти... Небось беглянка... Из окрестных сел! Слыхивал, шо вроде сбежала от хозяев некая Мария, коей житие опостылило... А виною всему любовь... А вона жениху то не ровня, девка крепостная, за кою решит барин, когда и за кого замуж итить...

Мальчишка, лет семи выдавил из себя улыбку и покачал головой.

Ты шоже старика не слушаешь. Укройся, грю! – не как не мог уgomониться мужчина.

А у не по годам взрослого мальчика были свои думы, от коих он не как не мог отвлечься... Перед его глазами была босоногая крестьянская девчушка в похожем, как у утопленницы, цветастом сарафане и огромном пузом. Пьяный отец водил ее по рядам среди торговцев и орал бранные слова. Какой то безглазый офицер пристыдил пьянчугу, а тот подбежал к мясному ряду и завопил: Ах, же офигеришка! Гулящую девку защитнищашь! Выкаблучиваешься, а не виж, шо моя болявка- аржаница, хоть и годков чуток боле десяти... Греха, то яки, нет! Брак ее законный! Вот только батько еще не родившегося дитя, не муж ейный... Зараза! Вот и прячу ее от гнева мужа, вожу по базару, а сам думаю може яки барин польститься, да в дом для своего удовольствия то и заберет.. На сносях то бабы, еще тот товар! Так шо иди, гуляй служивый, али покупай девку, но знай у нее хозяйева злющие...

Наконец то Прошка вернулся в этот мир, несколько раз прокрутив в голове увиденное случайно событие, намеренно ранним и еще солнечным утром.

Дядько! А это Господь на землю ливень наслал за грехи людские! – спросил мальчик.

Мужик, что занимался хозяйством и был прислужником матушки Агафьи, что воспитывала мальчишку, наконец то нашедший общий язык с конями, что перестали нервничать вздохнул и ответил: Ни! Вода не за грехи! Дождь благо! Урожай будет! Урожай будет- достаток будет!

Кажется маленький Прошка понял, но думы вновь нахлынули и немного поморщив лоб он помолился в черные небеса и спросил: Тат, а ежли я строго поститься буду, как отец Сергей, то Господь простит людям, хоть малость их грехов.

Ох, и славная душонка! Да, что же тебе за всех то в ответе быть! У самого же грехов по малости лет нет...

В это время повозка подъезжала к возводящемуся храму. Новый порыв яростного ветра, который погнал облака дальше от города, клонил до земли деревья и ломал огромные ветви. Только накануне поднятый на колокольню колокол неожиданно издал свое: Бааавммммсба!, из за того что оборвался огромный канат.

Кони встали на дыбы и замерли. Парнишка соскочил с повозки и прокричал: Ты, хоть и в честь Господа, за таки деяния царь Иоанн колоколам уши отрубал. Звон радость, а не страх! А ты страх! Вона, животино испужалася!

Поворчал и побежал. Полез на эту самую колокольню. Ветер трепал его кудрявые русые волосы, как парусину раздувал рубаху, а он лез и лез, не взирая на окрики отца и понесшихся куда глаза глядят лошадей, когда колокол ударил еще и еще раз.

Он уже почти было поймал обрывок каната и завязав узел, было уже зацепил канат за крюк, чтобы укротить колокол, что звонил без дела, но поскользнулся на мокром полу, не устоял от порыва ветра и полетел вниз.

Мужичонка сначала окинул взглядом исчезающую из виду повозку и закрыл глаза, не переставая молиться.

Тат, я лошадей догоню! -раздался Прошкин голосок.

Спасибо, Господи! – еще раз перекрестился слуга и погладил мальчика по голове. И именно в этот момент из-за туч выглянуло солнце.

*. *. *

Об этом случае с купеческим мальчишкой еще долго ходили слухи в городе и окрестностях обычно спокойной и ласковой реки Кур. Отец коего умер, когда малому было три года и воспитанием занималась- его мать- матушка Агафья. Богобоязненные люди и священники несли это и дальше по всей Руси, связывая то, что на парнишке после падения не было не одной

царапины, с именем Радонежского старца, в честь которого воздвигнут чуть позже сей храм, где это все и произошло.

Прохор же, что был в семье любимым, но своенравным мальчуганом, что освоил грамоту в свои неполные пять лет и проявившего через год после того случая, склонности к наукам- был надеждой семьи, которому сулили большое будущее... Но даже строгая попечительница, что души в нем не чаяла попрекнула как то мальчика: Я скоро с твоей химией и арихметикой по миру пойду. Вона книжонок то у тебя, образам места нет, а разве что сказано в священном писании, не достаточно хорошему человеку. Все вобрать в твоём возрасте не возможно... Ты бы, как старшой брат Лексей вмест книг ремеслу обучался, а книжонки нужны, но вторичны, хоть и с науками житие легче, но библия превыше всего... А ты химия, да химия!

И как знать чем бы обернулось и какая из всех наук перетянула бы к себе и пленило бы душу, если бы не дружба Прошки со старым служителем того самого храма. Всего то на всего певчий, но душа... Душа иеромонаха! Сколь почерпнул он из посиделок с ним за медовыми пряниками и сладким варом из лесных ягод. Этаки с такой вкуснятиной можно и обсудить Екатерининский указ об экономических крестьянах и алхимиках средневековья и лечебных травах, но больше всего разговоров было о Создателе и его сыне... Прохор соглашался, что дева Мария родила Христа, однако шепотом спрашивал про отца: Он же не мог появиться ниоткуда, значит должна быть женщина, что должна была дать ему жизнь...

Эка, ты замахнулся, малец! Ну тогда считай, что его мать- Любовь... Любовь его святой души, что побудила его создать мир и эту любовь он передал людям, чтобы мы любили его и друг друга...

А разве царица наша любит своих холопов, ежли так, что любит, то чаво им и вовсе свободными не стать. Почему люди не равны. От рассвета до заката гнут спину одни, а богатство у тех, кто ими правит... Разве это по божьи?

Варлаам, как просил называть старец сразу уходил от таких разговоров, сунув мальцу в руки библии и указав на еще не оставшееся угощенье.

Где то через год, после их случайного знакомства, Варлаам ушел в монастырь, приняв постриг, а Прошка со своей неуёмной тягой к знаниям, сам стал учителем, собирая вокруг себя ватагу крестьянских ребят и уча их грамоте, неминуемо рассказывал о великом даре людям Создателя, что называется – Любовь.

Еще где то года так через четыре через его город потянулись военные обозы. Вокруг судачили о заговоре ляхов, о стонущем под басурманами народе Малороссии и героизме казачьего воинства. День и ночь солдаты русской императрицы тащили на себе тяжелые пушки и вооружения, неся вместе со знаменами и штандартами иконы заступницы русской земли, Казанской богоматери. Нет, не семье мальчика, не самому Прохору не довелось увидеть дыма и пожарища этой войны. Все было рядом, военные прибывали и уходили из неприступной до сели крепости. На этот раз здесь не было выстрелов и огня тех невидимых сражений что шли далеко отсюда.. Но воины с крестами героев на груди и страшная болезнь с востока, что косила жизни мирных людей, далеких от всего происходящего вскоре стали явью. Страшная болезнь не пощадила и Прохора.

Небольшой город словно закрыло крыло огромного дракона, который взирал с небес: Ну когда же последний, самый сильный из этих людишек издаст последний вздох. Болезнь не чадила никого, не крестьян, не знать...

И только батюшка того самого храма, с колокольни которого упал Прохор, уставший отпевать души усопших, еще держался и молился за здоровье каждого, кто еще мог сопротивляться этой страшной эпидемии.

С очередным обозом с боевых действий в крепость прибыли монастырские сестры из под Киева. Они решили пронести по городу и селам икону заступницы земли Русской, что была передана им в дар святыми отцами из лавры. Крестный ход готовили три дня, собирая под знамена Бога и русской армии всех, кто мог хоть чем то и как то помочь городу. К тому же в крепость пришли радостные вести с фронта о победах Потемкина. Крым уже не часть Османской империи!!!

Весь приход храма в честь Сергия Радонежского тут же присоединился к святому делу.

И вот настал этот час. С песнопением и иконой процессия двинулась... Двинулась, чтобы заявить, что Русской земле не страшна никакая сатанинская напасть, ибо с ними великая заступница, свидетельница побед великих князей, царей и императоров державы. Хлеб и казанская Богоматерь! Это они должны были поднять дух и отвести беду от каждого дома. Монашки также раздавали в каждый дом свои отвары, кои и правда были чудодейственны! Ибо устав бояться страшного зверя, имя которого- холера, от простолюдина до зажиточного богача все ждали чуда.

В своей комнате, укрытый холщовыми простынями в бреду лежал Прохор. У изголовья стояла мать и рыдала. Не было сил это слушать: Нет! Нет! Я не пойду с тобой утопленница! Житие свое оборвать супротив воли божьей- грех тяжкий! Грех! Пусть нас мать Божия рассудит! Она есть Любовь и Свет... Какая красивая! Какая красивая!

Анафья перекрестилась и грешным делом подумав, что сын божий отходит в мир иной опустила глаза, навзрыд заплакала и выбежала из комнаты своего мальчишка. На колени встав перед иконой Вседержителя она стала читать Отче наши... А из другой комнаты доносились хрипы и тяжелые стоны ее помощника в делах Федора.

Что то со звоном упала в комнате Прошки. Туда тут же стремглав побежала крестьянская девка- прислужница Лукерья. Но женщина остановила ее, и вошла сама. Возле кровати лежали осколки разбитой вазы, в которую она вставляла травы, для окуривания больного. А Прохор босый стоял у открытого окна, укутывшись простынями и твердил: Ну де же ты! Де? Ведь Любовь и обман не може жили вмисти.

И тут он закричал: Вон! Вон там! и начал усиленно молиться. Агафья подошла к нему. Прямо под окнами шла процессия... Прошке показалось, что Богоматерь улыбнулась ему со святой иконы и он тут сказал об этом любимой матери, тут же сравнив ее схожесть с ликом чудодейственной иконы.

Сразу после того, как процессия удалилась Прохор показал матушке три пальца и сказал: Три дня и три ночи и болезнь уйдет... И тут же упал обессиленный на пол...

Через три дня он и вправду, как обещал открыл глаза и очень удивился монашке, что сидела рядышком с матерью у его изголовья. Молча он принял отвар из ее рук и выпив чашу до дна тут же сказал: Жаль, что я не помог Фёдору, как помог себе... Но моя любовь завжди буде с ним. Земля ему пухом. Матушка хотела возразить мальчишке и сказать, шо Федор болен, но живой, но монашка взяла его за руку и сказала: До вечеру може и протяне, але вин дюже плох.

Он умер! – сказал Прохор и поднялся с кровати... Я дав слово! Слово Богоматери, шо буду вучить людей любить... Любить и бути смиренными. Терпению и вере! Вот это и будэ моя стезя...

Года два после своего чудесного исцеления и похорон Федора Прохор не возвращался к этому разговору с матушкой... А не возвращался ибо в душу его вкрались сомнения. Однажды, когда в саду цвели яблони и Прохор важно восседаая под одной из них поучал желающих из крестьян, от мала до велика, грамоте он увидел чернобровую крестьянку, что стояла

возле изгороди и беззаботно наблюдала за его уроком на открытом воздухе. Прохор не выдержал и крикнул: Чаво таращишься! Давай до нас!

А дурью мене не можливо заниматься... Яки толк в грамоте! Мени работать надо.– ответила дивчина, коверкая местную речь с малороссийской.

А ежели работать надо, то чаво же яки каменна тут замерла? – обиделся Прохор.

А бачу дивный парубок, вот и замЕрла... – тут же нашло что сказать красавица, поправила бант и схватив вилы на которые опиралась и ускокала будто козочка за угол соседней улицы.

Трудно сказать что именно покорило сердце Прохора в облике девушки, но он ждал встречи с ней. А она все не приходила и не приходила.

И тогда он решил во чтобы то не стало разыскать ее сам. И вот воскресным утром возвращаясь домой из храма он увидел ее, прогуливающуюся праздно под ручку с молоденьким служивым. Девушка тоже заметила его еще издалека, но сделала вид, что не помнит его. Прохор решил не докучать не ей, не ее кавалеру и побрел домой. Но почти у самого забора она догнала его и схватила за руку. Она хохотала и смотрела ему в лицо. А потом чмокнула его в щеку и потащила за собой. Они шли долго, не решаясь заговорить друг с другом, пока не оказались у крутого берега реки.

Как называть тебя красуня? – все таки решил начать разговор Прохор и вежливо спросил не отводя глаз от нее.

А зачем тебе! – рассмеялась девушка- Все зовут меня Вольным ветром, сироткой несчастной. Каждый по разному... Мамо вмерла. Тату не разумию. Брат унтер- охфицеришка, шо заплатил за меня оброк и выкупил у моих господ. Говорят всем полком деньги собирали... Шобы стати мне вильной. А не треба мени така свобода! Ни к чему житие мое таке бесовское. Я по батьковщине, по ридной Волянщине сумлю, не хочу сапоги охфицерские до блескучести доводити и бежати ночкой у кровать по первому зову. Брат мой после того як свободу мени дал и отнял ее. Он мени в карты проиграл. Вот тепер я е, шо е.

Так, бежи отсель дивчина! – обняв ее пробормотал Прохор.

Куды! – всхлипывая ответила девушка- Догонять, убьют!

В монастырь беги! Там твое спасение! И душу и тело спасешь! – уговоивал Прохор, стоя перед ней на коленях, а потом поинтересовался: Вот ко мне пришла, значит не совсем твоя свобода- казематы, значит есть просвет...

Да, я, як псина... Кто кормит до того и бегу...

– Я же не накормил тебя ничем

– Добро слово лучше явст лечат

– Верно, а ежели это слово ще и божие, то и пища и вода и свет оно.

Девушка заплакала и стала снимать с Прохора рубашку, целуя его в губы. Прохор отстранил ее и отпихнул от себя: Только бесы до свадьбы сношаются, греховодница!

Девушка расхохоталась ему в лицо.

Прохор повернулся и медленно пошел домой, не разу не обернувшись в ее сторону.

*. *. *

Через неделю ровно услышал он во время службы разговор между двумя военными. Ганну то помнишь? Епифанов, пес! Забил ее! -сказал один

– На смерть!?

– Не! Не успел... Батюшка отбил ее... У себя два дня прятал, а вчера с дьяком ночью на подводе в монастырь отправил...

Прохор сразу понял о ком идет речь и пошли службы поспешил к настоятелю, но тот только покачал головой в ответ и сказал: Истинная правда! И об твоём совете- в монастырь

бежать тоже знаю... Да только блудница вона, да девка испорченная... Бог ей судья, да только в монастыре она долго не задержится! Ведьма в душе ее! А таким там тяжело!

Прохор неделю после беседы с батюшкой не выходил из дома. Дни и ночи сидел с библией в руках. Читал... Читал и молился! Молился и повторял славу именам своих родителей раба божьего Исидора и рабы божьей Агафьи, что после Создателя, самые главные для него души.

А когда наконец вышел из своей комнаты, то кинулся в ноги матери и заявил, что Господь зовет его в дорогу. Мать не стала противиться. Все же семнадцать лет отроку и благославив его иконой повесила ему на шею медный крестик, что сняла с себя.

Взяв из дома только свои книги ночью он навсегда покинул отчий дом. Путь его лежал в город Киев. Именно в святую обитель Руси, Киево-Печерскую лавру он и намерен был пойти пешком, куда звал его Господь. Это сейчас в наш бурный век не существует расстояний, тогда же это был путь не близкий и довольно опасный.

Ночью он шел, а с рассветом солнца спешил в ближайший город или деревню, чтобы заработать на кусок хлеба, не гнушаясь никакой работы. А когда солнце садилось за горизонт, немного передохнув где нибудь в уединенном месте, он произнес молитву, вновь двинулся в путь.

По пришествию двух недель, лунной ночью он брел широкой степью, вслушиваясь в звуки цикад, что нарушали благословенную тишину. Он шел и наслаждался великой красотой земли, что создал Всевышний. И вдруг, где то вдали... Как показалось Прохору возле самого горизонта вспыхнуло зарево. Пожар что ли? – подумал про себя одинокий путник и ускорив шаг пошел в ту сторону.

Уже начинало светать. И чем ближе он приближался к этому месту, тем отчетливее виднелись языки пламени и чувствовался едкий запах.

Вскоре идти стало совсем невмоготу. Черный дым стелился по густой траве, уже тронутой росой. Совсем недалеко виднелись очертания хутора, что полыхал в огне. Горело не меньше десяти домов. Можно было отчетливо разлестить и людские крики. Эй, Микола! Да, шо ты увстал окоянный! Воды! Воды неси! Якоф с тебе козак, раз умереть боязно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.